

Конструирование национальной идентичности в медиа: украино-российские взаимные образы сейчас и 15 лет назад

Гнит Юлия

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Людмила Малес

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Богдан Мотузенко

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И КОНСАЛТИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «PROJECT BUREAU»

Виктор Рымжа

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ И КОНСАЛТИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «PROJECT BUREAU»

Наталья Фрейк

КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

Аннотация:

Тщательное изучение взаимных этнических представлений украинцев и россиян чрезвычайно актуально в связи с начавшимся военным конфликтом, затрагивающим, прежде всего, вопросы этничности, национальности идентичности.

В данной статье содержится анализ разнообразных характеристик и составных элементов взаимных этнических образов украинцев и россиян в печатных СМИ.

Сравнение персонажей фигурирующих в российских и украинских изданиях по результатам двух замеров с разницей в 15 лет показывает, как проявились латентные стратегии имперскости в российских изданиях, как однозначно образ брата сменился образом врага – в украинских.

В 2001 году российские СМИ часто писали о том, что делалось на украинской территории. Замер 2015 года, в сравнении с предыдущим, отчетливо демонстрирует, как образ украинской нации выходит из имперского дискурса. Причем данная тенденция проявляется

как в российских так и в украинских СМИ. В российских медиа прослеживается снижения восприятия Украины и украинцев как составляющей части империи (несмотря на наличие агрессивных претензий) и вынужденное отношение к ней как к самостоятельному политическому субъекту. В украинском дискурсе прослеживается резкое снижение внимания к бывшей «метрополии» как центру политической, экономической, культурной жизни.

Ключевые слова:

взаимные этнонациональные образы, образ врага, имперский дискурс, украинско-российские отношения, медиа, контент-анализ.

Первоначальная актуальность исследования взаимных этнических и, шире, этнонациональных образов украинцев и россиян определена длительной историей имперско-колониальных отношений Украины и России и относительно небольшим опытом существования соседних независимых государств, по-прежнему связанных культурными, экономическими и политическими отношениями, трактующимися, как выяснилось по-разному. Сегодня эту актуальность обостряет российская военная агрессия на почве развития имперских настроений в РФ, включая аннексию Крыма. Попытка реставрации Россией имперского влияния как внутри государства, так и вовне, во много основана на этнических и национальных идеологемах «русского мира» по отношению к бывшим колониям и к западной цивилизации в целом (Дондурей, 2016).

Исследование взаимных этнонациональных образов на фоне российско-украинского военного конфликта тем более актуально, что он сопровождается архаизацией массовых представлений россиян о других народах и о самих себе, а с другой стороны, образ другого является элементом проходящих на востоке Украины военных действий как информационная и идеологическая составляющая гибридной войны (Магда, 2015). Тем более что информационная война России против Украины и подготовка общественного мнения россиян началась задолго до Евромайдана, а, по некоторым оценкам, с кассетного скандала и акции «Украина без Кучмы» конца 2000 – начала 2001 года (Романенко, 2015).

После распада Советского Союза информационное пространство двух стран находилось под дискурсообразующим влиянием России, что значительно усложнило формирование украинской идентичности.

Не только зависимость и ориентация на другие народы и страны, конфликты, но

даже в условиях добрососедских отношений международная диспозиция важна для любой нации. Так что представлений о соседях, будь то этносы, нации или государства, является на сегодняшний день неотъемлемой частью формирования реальных идентичностей определяющих социальное поведение и отношения, в том числе и на геополитическом уровне.

В сопоставлении результатов социологических опросов за последние 15–20 лет об отношениях украинцев к россиянам и наоборот в каждом случае четко прослеживается разная динамика смены дружелюбия на вражду. За истекший период, несмотря на различные геополитические события, украинцы продолжали относиться гораздо более к россиянам, в то время как для российского общественного мнения была характерна существенная негативизация образа украинцев (Пясковская, 2016).

Этим настроениям и общественному мнению предшествует смена образа брата на врага, зафиксированная в политических и экспертных обобщениях информационной войны ведущейся преимущественно с помощью СМИ. Но возникает вопрос научного исследования и фиксации этой смены образов и их особенностей.

В статье анализируется опыт контент-анализа 2002 и 2016 годов с целью выработки методологии исследования взаимных образов, выяснения их структуры и содержания. Особенно важным является определение путей формирования смещений в восприятии одной нацией другой.

Разрабатываемый инструментальный основывался на попытке совместить количественную методологию с качественным подходом в интерпретации содержания этнонационального образа и его оценки в масс-медиа.

В 2002 году анализировались материалы за первое полугодие 2001 года журналов

“ПіК” (Украина) и “Коммерсант-Власть”¹ (Россия) как наиболее близких по стилистике общественно-политических еженедельных аналитических изданий, а также газет “Факты и комментарии” (Украина), “Независимая газета” (Россия) как пример относительно массовой ежедневной периодики. В 2016 году мы старались сохранить общие параметры анализируемого информационного поля. Так же отбирались материалы за первое полугодие 2015 года в том же журнале “Власть” (Россия), а прекративший свое существование украиноязычный “ПіК” был заменен наиболее близким по содержанию журналом “Країна”, появившемся во втором десятилетии 2000-х. Несмотря на то, что в 2016 году отбирались все источники, но анализировались только журналы, собранный массив публикаций вполне сопоставим по объему с «пилотом» 2001 года (2001г. – N=153; 2015г. – N=113).

Поскольку в исследовании соединялись количественный и качественный подход, носителем этнонационального образа выступал собирательный «герой» – «Актор», действующее лицо, носитель характеристик, приписываемых украинцу в российских СМИ и наоборот. Для анализа содержательных особенностей формируемых в СМИ образов, категориальная шкала имеет категории для раскрытия общего контекста жанровых и стилистических рамок изданий, а также более узкого контекста характера событий, в которых появляется этот «герой». Эти два контекста задают наиболее общие, так сказать, внешние для образа героя черты отношения к противоположной нации.

Методологически мы исходили из того, что этнические черты действующего лица сопровождаются и дополняются более широкими национальными чертами,

присущими нации уже в ее современном политическом понимании. При этом из отбора сознательно исключили характеристики, приписываемые абстрактной стране или государству – «Украине» или «России», сосредоточившись на упоминаниях групповых и персонализированных субъектов «украинки/ца» в российских изданиях и «россиянки/на» в украинских, а также на соответствующих этнонациональных прилагательных².

Полученные результаты также группируются в разноуровневые контексты, активности, ментальные характеристики. Первый из упомянутых контекстов можно раскрыть через сопоставление насыщенности, равномерности частоты упоминаний в них противоположных героев, локализацию событий, выявление, кто в данном случае выступает источником информации и оценок, а также определение тематического спектра, представленного в массиве по разным изданиям.

Безусловно, частота упоминаний и насыщенность упоминаний противоположных героев существенно возросла как в российских, так и в украинских СМИ. Весь массив данных за первую половину 2001 года (включая газеты и журналы) по объему сопоставим с массивом только лишь журналов за первую половину 2015 года. Безусловно, увеличение частоты и количества оценок вызвано аннексией Крыма, войной, общим противостоянием, интенсификацией пропагандистских усилий.

Характеристика событий, легших в основу медийных текстов с упоминанием противоположного героя, предусматривают анализ таких категорий как общая оценка, деструктивность, сенсационность, напряжение, перспектива освещаемых тем. Будучи

2 Дальнейшее усовершенствование инструментария будет предусматривать исследование разницы формирования персонализированного, коллективного и организационного этнонационального действия в информационном пространстве.

невозможными для появления в научном дискурсе, они являются неотъемлемой частью понятий «новости» и «события», их свежести и интереса для читателя, поэтому при любой возможности подчеркиваются журналистами. Кратко отметим, что оба журнала, имея промежуточный между научным и популярным статус аналитических, ориентированы больше на специалистов и интеллектуальную часть читателей, поэтому, как увидим, сдержаннее газет в представлении медийного образа противоположного героя.

Поскольку анализировались все-таки массовые, а не научные издания по международным отношениям, сама тематика их статей редко сосредоточена на межнациональных или этнических проблемах. Поэтому, в выборку попадали самые различные сообщения, с упоминанием противоположной нации. Упоминания в большинстве статей достаточно эпизодичны, далеко не всегда дополняются развернутой характеристикой героя, тем более связанной с какими-то этническими атрибутами. Такие «вкрапления» в общий медийный текст, с одной стороны, создают слабо наполненный по большинству переменных массив, что усложняет его обработку, с другой стороны – сами по себе они свидетельствуют о широкой включенности представителей соседней нации в ежедневную жизнь страны и народа, демонстрируя, что появление украинцев для россиян и россиян для украинцев не исчерпывается этнонациональной тематикой.

При этом участие представителей одной нации в жизни и информационном поле другой далеко не симметрично. Так, в 2002 году общее количество отобранных статей было почти одинаково при небольшом преобладании российских сообщений, эта соразмерность наблюдается и по типам украинских и российских изданий (газет

и журналов) между собой. А вот в 2016 году насыщенность сильно различалась: в украинских изданиях россияне фигурировали чаще, чем в русских украинцы в 2–6 раз.

Поскольку в сложившемся стандарте СМИ, когда стилистические и лексические возможности выражения межнациональных отношений существенно скромнее чем в бытовой речи, то гораздо большее значение приобретают, пусть единичные, нарушения такого стандарта газетой или журналом, как «прорыв» бытующих отношений на полосы печатного органа, или же как существенные акценты его конструирования.

Как и следовало ожидать от печатных изданий, при этнической идентификации героя в подавляющем большинстве используется официальный этноним. Такой этноним в среднем появляется 1–3 раза на статью неспециальной тематики как в 2001 году, так и в 2015. Но встречаются ориентированные на этнонациональную проблематику материалы, их немного, насчитывается до 10% от всех, их текст содержит до десятка, а то и более этнонимов. Именно среди последних можно встретить и упоминания неофициальных этнонимов (москаль, кацап, малоросс, хохол и т.д.). В 2001 году неофициальные этнонимы по 1–2 раз встречались во всех изданиях, в замере 2016 года этнонимические вольности сосредоточены в материалах журнала “Країна”, в журнале “Власть” не было.

В 2002 году мы говорили о большей строгости журнального стиля, который обуславливает появление национальной специфики только в нюансах, этим же объясняли и склонность давать в равной степени позитивные, нейтральные и слабонегативные (ироничные) общие оценки событий, а также акцентировать внимание на позитивной перспективе события (в каждом втором случае) для обеих стран. Это выделялось на фоне газетного более эпатажного стиля,

1 Далее это издание будет сокращенно называться «Власть».

с использованием почти всего спектра тем и оценок. Сегодня же любым позитивным оценкам двусторонних отношений, даже в общественно-политических журналах, пришел конец.

Но даже в 2001 году ещё «крепкой дружбы» двух стран события, в которых встречался противоположный герой, российскими изданиями оценивались как более негативные, чем украинскими. То же касается и определения перспективности события, а также оценки ее деструктивности: российские издания чаще оценивают события как деструктивные и в общем чаще используют этот вид оценки. Российские издания описывают поданные ими события как напряженные почти вдвое чаще, чем украинские издания (в 2015 будет наоборот). Ничего хорошего из Украины не выйдет, так или иначе намекает нам пресса РФ.

В то же время, более характерным для дискурса украинских изданий 2001 года (в основном газета «Факты и комментарии») является акцент на сенсационности размещенных в ней событий, что связано со стилистикой этой газеты в целом. В отличие от российских изданий, тут мы не встречаем ни одной негативной оценки событий из сферы политики, экономики и спорта. Ироничная оценка присутствует только для политических событий.

А в 2015 году этот медийный настрой изменился очень резко: украинские сняли розовые очки во взгляде на противоположного героя, а российские – пытаются максимально «нейтрализоваться».

В российских материалах «Власти» оценка событий с участием украинского героя предельно формализована. Создается впечатление, что редакционная политика намеренно сформирована так, чтобы не допускать упоминаний украинцев в неформальном, бытовом, эмоционально и стереотипно окрашенном зале. В этом смысле

редакционная риторика больше напоминает дипломатическую, основными свойствами которой являются нейтральность и отстраненность. Пилотное исследование определило нейтральную оценку событийного пространства в изданиях «Власти» в большинстве случаев, значительно меньше положительную и негативную.

«Країна» также чаще всего выступает с нейтральной позиции (почти половина всех оценок), но почти столько же негативных оценок, меньше ироничной оценки противоположного героя, и совсем мало положительной. Этот журнал в большинстве случаев упоминает российского героя, когда пишет о напряженных, деструктивных, экстраординарных, зрелищных событиях. Журнал «Власть» и тут пытается сохранить баланс, упоминая поровну о деструктивных и конструктивных, как заурядных, так и неординарных, напряженных и не очень событиях. При этом, конечно же, значительная часть сенсационности и новостийности, даже в аналитике, связана с экстремальностью самих событий, как для российского, так и для украинского читателя, например, в зоне АТО.

Подытоживая частотность внимания к противоположному герою и общую оценку событий можно предположить, что если для украинских медиа война с участием их страны это событие экстраординарное, то для российских – скорее незаметное. О последнем свидетельствуют два показателя: сравнительно меньшее упоминание противоположного героя и большая нейтральность его оценок. Первый из показателей видимо отображает желание российских изданий сделать участие своей страны в войне не заметным. А второй показатель скорее намекает на то, что участие своей страны в войне для российских СМИ – дело не такое уж экстраординарное. Качественный анализ подтверждает общий количественный

вывод: в целом для российских СМИ война является более обыденным явлением, в то время как для украинских – травмой.

На этом уровне мы уже можем говорить о первых четких межнациональных отличиях. Далее, учитывая выделенные выше особенности контекста, которые задаются спецификой самих изданий, попробуем уточнить, в каких именно событиях фигурируют противоположные герои и их эталоны со стороны собственной и третьей нации³.

Место действия и интерес к стране являются симптомами процессов, как экспансии, так и независимости, активизировавшихся после распада СССР. Наблюдаются отличия и в «локализации события». Анализ текстовых материалов в 2001 г. выявляет склонность российских авторов к описанию события именно на территории украинского героя (около половины случаев), при этом почти не размещая его в мировом контексте (на территории третьих стран – меньше 10% случаев). Соответственно у украинских авторов наблюдалась тенденция значительно реже описывать события, локализованные на территории российского героя (четвертая часть случаев), а больше замечать активность героя в отношениях с третьими странами (каждая третья публикация). Упомянутость противоположного героя на территории страны издания была одинаковой – треть случаев.

Для российских изданий в 2001 году свойственно было освещать политические события в подавляющем большинстве случаев на территории противоположной страны. Также заметно пристальное внимание российских авторов к религиозной ситуации на

территории Украины (визит Папы римского, сосуществование конфессий).

Если в 2001 г. украинские издание изображали российского героя в событиях разных локализаций равномерно, то интерес российских медиа к событиям на территории соседней державы был значительно больше обычного любопытства международной ситуацией. Сейчас же локализация событий изменяется под влиянием войны между странами. Так около 50% событий в украинском издании прошлого года происходили на собственной территории, но изменилось их содержание – это, прежде всего, темы культуры, межнациональных отношений, войны. Достаточно много третьих стран как арен разворачивания событий, прежде всего исторической тематики. А вот действия российского героя в его же стране происходят в лишь в каждом десятом случае. Близкое соотношение локусов у российского издания, хотя тематический спектр иной (политико-правовой), но, опять-таки, украинцами в мире российские СМИ почти не интересуются – события в третьих странах очень редки.

В 2015 году в половине случаев оба издания упоминают противоположного героя в статьях о своей стране. Для украинского издания это важное деколонизирующее изменение (сравнительно с четвертой их частью в 2001г.), хоть и трагическими событиями порожаемое. Зато в каждом четвертом случае «Країна» имеет материалы о взаимоотношениях Украины и России, а «Власть» – об Украине и третьих странах, вменяя ей новые зависимости, теперь уже от Запада.

Очевидно, что социокультурные ситуации исследований 2002 и 2016 годов значительно отличаются, что формирует не только резкую смену розовых очков во взгляде на противоположного героя, но и определяет репертуар тем с его участием.

3 Дальнейшее усовершенствование инструментария будет предусматривать исследование различия формирования персонализированного, коллективного и организационного этнонационального действия в информационном пространстве.

Сразу заметим, что украинские издания в обоих срезах затрагивают более широкий спектр тем, присутствие российских героев освещается СМИ почти во всех сферах.

Однако основные контексты, в которых фигурируют этнические маркеры, аналогичны российским: война в некоторых районах Донецкой и Луганской областей, аннексия Крыма – именно эти темы являются дискурсообразующими.

По результатам отбора материалов, как журнала «Власть», так и газеты «Независимая газета» – украинские герои практически отсутствуют в темах, затрагивающих такие аспекты, как культура, наука, искусство, интересные и положительные события и т.д.

Основной темой, в которой зафиксировано наибольшее количество упоминаний украинских героев в российских материалах, является тема Крыма и событий, которые произошли на полуострове после аннексии. Собственно, редакция «Власти» уделяет внимание Крыму как своей территории, описывая так называемые «переходные трудности», которые сопутствуют адаптации в первую очередь крымской экономики и системы управления к новым политическим условиям. (...) Летом Киев принял закон о свободной экономической зоне в Крыму... нам еще тогда украинские бизнесмены говорили: вы только со своей стороны забор не ставьте, а мы тут дырочку найдем. И точно – закон вышел без экономической части... Летний сезон показал, что при замещении украинских туристов российскими произошел существенный сдвиг в сторону более дорогого сегмента («Власть», 09.03.2015). Примечательно, что в данном примере украинский герой не теомобразующий, а скорее контекстуальный.

Действительно, российские издания используют стратегию утверждения собственной исключительности, правоты во всем, они используют противоположного героя,

чтобы укрепить свою позицию, которая, безусловно и бесспорно, есть самой объективной, гуманной, компетентной. Для них, по сути, противоположный герой, в нашем случае образ украинской нации, играет второстепенную роль, помогающую раскрыть суть своего героя. (...) Главного следственного управления СК РФ по Москве Александра Дрыманова... Летом 2014-го занял пост исполняющего обязанности начальника управления по расследованию преступлений, связанных с применением запрещенных средств и методов ведения войны Следственного комитета РФ. В частности, он занимался делом украинской летчицы Надежды Савченко. («Власть», 16.02.2015).

Украинские СМИ используют другую стратегию, которая предусматривает видение противоположного русского героя как субъекта, но в тоже время агрессивного обидчика, который уменьшает шансы развитию собственного героя, последний в свою очередь пытается противостоять этому влиянию и возможно победит. (...) наш военно-промышленный комплекс. Это лакомый кусок, а в некоторых случаях – жизненно необходимый для россиян элемент их безопасности: кораблестроительных заводов, ракетная промышленность... Очевидно, что западные санкции для Москвы – болезненны. За год они могут заставить россиян отступить («Крайна», 16.12.2014)

Второй важной темой для журнала «Власть» является тема Донбасса, военных действий и всего, что с этим связано в контексте проблем для самой России. Здесь уделяется внимание, например, политической активности Украины на международной арене, проблемам социализации российских «добровольцев», вернувшихся из Донбасса, политико-экономическому состоянию России и ее активности в этом направлении. (...) Однако наступление украинских военных, которым, по некоторым

данным, была поставлена задача ко Дню независимости Украины, отмечаемому 24 августа, освободить либо Донецк, либо Луганск, именно в эти дни захлебнулось. А непосредственно накануне праздника руководители самопровозглашенных республик заявили о том, что все же переходят в контрнаступление... иловойский котел» стало синонимом разгрома и больших потерь для украинских военных («Власть», 02.03.2015).

Спектр тем в украинских изданиях того же 2015 года значительно шире. Конечно, основной акцент все-таки приходится на военные действия на востоке Украины, событиям в АР Крым. Но внимание уделяется и другим событиям: в культурной сфере, событиям внутри России, историческим экскурсам, русским гражданам, преследующихся русской властью.

Сложный термин «герой» (см. примечание выше) в исследовании распространялся на всех субъектов, фигурирующих в сообщении. Сегодня, фактически сложилась обратная ситуация. Более насыщены противоположными героями украинские материалы. Как уже было сказано выше, украинцев в условиях войны российские СМИ стараются реже упоминать, ведь такое замечание ныне влечет за собой необходимость заметить участие своих в войне в Украине. Наоборот, украинские издания последние годы активизировали свое внимание к русскому герою, утратившему почти все положительные черты, ставшим преимущественно отрицательным.

Социально-демографические характеристики героя, как правило, остаются практически не прописанными. Чаще всего (не в последнюю очередь благодаря грамматике языков) можно зафиксировать половую принадлежность. В изданиях 2015 года «Крайна» и «Власть» – пол героев или неопределен, или доминирует мужской. В 2001 году

в журналах также практически полностью преобладали мужчины, а все упоминания женщин как противоположных героинь (13%) относились к украинской и русской газетам в соотношении 80:20 соответственно.

Масштаб выделения героя «градуировался» на выдающуюся персону, отдельные группы и сборный образ нации. В результате анализа массива оказалось, что две трети героев соответствуют одной персоне. Большое значение имеет изображение в СМИ выдающихся персон обеих стран, образы которых в большей мере могут определять общее отношение к своей и противоположной нации. Восприятие той или иной персоны как выдающейся, приписывание ее характеру выдающихся черт, отличающих ее от обычных людей – является социокультурным феноменом. В большинстве случаев социальное положение героя не упоминается, но из явных указаний на социальное положение в каждом 3–4 случае – это элита, что ещё раз подкрепляет выводы относительно категории выдающихся персон.

Масштаб распространения оценок противоположного героя в основном созвучен масштабу героя, и в случаях их несовпадения мы наблюдаем преимущественное распространение характеристик выдающейся персоны на нескольких человек (уровень малой массовости). Поскольку эта характеристика непосредственно демонстрирует потенциал репрезентации разных героев, мы делаем хотя и тривиальный, но важный вывод о том, что именно выдающаяся персона обладает большими шансами быть репрезентантом нации.

Имперская культурная политика СССР, а также длительный период сосуществования, когда Россия выступала в роли «старшего брата», а Украина признавалась стратегически важной, но все-таки провинцией, оставил отпечаток в культурном поле

обеих стран. Это видно, в частности, по большей насыщенности в 2001 г. информационного поля в отношении российских/русских выдающихся персон и по интересу России к некоторым характеристикам украинских выдающихся личностей. Сегодня же в украинских изданиях изменился баланс интереса к выдающимся персонам в пользу своих.

Кроме того, сформированный массив содержит данные не только о центральном/первом герое, но и о втором, третьем и так далее в порядке выделения, если они действуют и оцениваются отдельно. Учитывая это, следует отметить, что больше насыщенностью и разнообразием по признаку противоположного героя отмечаются российские издания за 2001 год (при этом полигеройными в 80% случаев является «политические» статьи).

Так, из обобщения материалов российских изданий гораздо сложнее составить полноценный этнонациональный образ украинца, нежели из обобщения украинских изданий – этнонациональный образ русского/россиянина. Естественно, частично образ украинского героя реконструируется через второстепенные упоминания и контексты. Это возможно даже в нейтральном описании событий, в которых фигурируют украинцы, их действий, а также реакции на них третьих субъектов. И здесь все-таки вырисовываются некоторые качества украинского героя (например, неконфликтность, склонность к миграции и т.д.) (...) *225 тыс. граждан Украины из 250 тыс. обратившихся получили временное убежище в России, заявил глава ФМС Константин Ромодановский. Россия выделила на решение проблемы украинских беженцев 6,5 млрд руб.* (“Власть”, 15.12.2014).

Иначе с описанием российских героев в украинских изданиях. Основной характер российского героя можно назвать нейтрально-негативным. Одни авторы стараются придерживаться нейтральной позиции

в описании событий и героев, и это отражается на наборе характеристик героев, другие, так сказать, не стесняются в дословном цитировании своих персонажей. Причем даже в случае, когда описываются некие самостоятельные положительные герои (например, Борис Немцов, Андрей Пионтковский), все равно присутствует фоновое контекстуальное противопоставление их другим соотечественникам, а из речи часто извлекаются критические оценки собственной этничности.

Следующим шагом анализа будет рассмотрение «деятельностной ситуации», то есть зафиксированной вербально и оцененной деятельности героя.

В целом в кодировочной шкале исследования в 2002 г. было представлено двенадцать основных видов активностей и пункт, который включал другие виды (в результате, он полностью ассоциировался со спортивной активностью). Поэтому в инвентарии 2016 г. последняя была добавлена к активностям. Измерение активности проводилось по интенсивности, успешности и распространению этих оценок относительно масштаба выделения противоположного героя.

Описания сфер активности противоположной нации отличаются в исследованиях 2002 и 2016 годах. В 2001 г. чаще всего противоположный герой проявляется через политическую (на нее ссылаются больше трети сообщений, преимущественно в российских изданиях), трудовую и спортивную активность. В 2015 г. модальная (наиболее частая) стала военная активность (высокая и очень высокая), близки к ней политическая, религиозная, экономическая, и другая (прежде всего миграционная активность). Вполне ожидаемо, что военную активность замечает “Крайна”, что ещё раз подтверждает выявленные особенности представления противоположного героя. Также украинское

издание замечает интеллектуальную активность российского героя. А “Власть” больше акцентирует политико-правовую и миграционную активность в отношении к противоположному герою.

В русском журнале “Власть” активность украинского героя минимальная, за исключением информации о военных событиях на Донбассе, где активность украинской стороны оценивается как неуспешная и низкая. В других случаях активность украинского героя в русском издании было очень сложно определить, так как сам герой появлялся как быстрое упоминание, не несущее самостоятельной информации в отличие от своего героя. Украинский герой появляется только в тех случаях, когда необходимо утвердить позиции русского героя как основного субъекта.

Это далеко не первое замечание неактивности украинского героя свидетельствует об инструментальности его использовании в российских СМИ – он не важен сам по себе, как действующее лицо (что еще больше сужает возможности его понимания), он нужен только для оправдания автостеротипов или интерпретации ситуации с т.з. российской стороны.

Относительно украинского журнала “Крайна” спектр активностей русского героя намного шире. Это, конечно, милитарная деятельность, где русский герой в большинстве случаев наделяется высокой и успешной активностью, но в то же время подчеркивается ее временный характер. Фиксировались еще активности на уровне известных личностей в сфере науки и культуры, которые или россияне, или имеют русские корни, такие упоминания не несли существенного информационного сообщения, но сам факт что они присутствуют, свидетельствуют о признании известных личностей, не только своей, но и других культур.

Большая часть упоминаний противоположных героев не получила дополнительной оценки ментальных характеристик, в каждом третьем случае выделялась одна, значительно реже больше ментальных характеристик.

В изданиях 2001 г. с равной частотой упоминается только о целеустремленности противоположного героя. Все другие ментальные характеристики существенно отличаются. Так, для россиян в украинских изданиях характерны динамичность, везение и талант, обладание силой, в то же время малозначимыми являются весомость и чувственность. Для украинцев в российских изданиях, наоборот, характерны в значительной степени весомость и интеллектуальное развитие, которые отсутствуют у россиян.

В 2015 г. в обоих изданиях “Власть” и “Крайна” оценки ментальных характеристик были преимущественно позитивные. В то же время в “Крайне” достаточно часты и негативные оценки. К примеру, наиболее упоминаемые журналом “Крайна” ментальная характеристика – склонность к применению силы, оценена в негативном и нейтральном залоге. (...) *Это сделало Януковича легкой добычей для опытного российского президента... В части российской элиты – психология оскорбленной или обманутой ребенка. Они также в начале 1990-х хотели быть частью Европы, а их не взяли (“Крайна”, 16.12.2014). (...) Из-за климата и исторического опыта украинцам свойственно делать значительные сбережения. Сначала речь шла о еде, со временем – о деньгах. Русские всегда были более склонны тратить их, покупать дорогие вещи, подтверждающие статус.* (“Крайна”, 03.03.2015).

В анализе материалов 2001 г. фиксировалась небольшая активность российских масс-медиа относительно использования

этнических атрибутов и характеристик. По результатам 2016 г. атрибуты этничности появляются преимущественно в Країне (в каждом 2 случае описания героя), меньше Власть – каждом четвертом. Из оценок атрибутов этничности выделяются стремление распространить свою культуру (а именно – мессианство), отношение к территории (а именно – прирастить) и отношение к противоположной нации (враждебное). Эта более непосредственная этническая оценка встречается в 6–12 случаев и все они относятся к публикациям «Країна» (где составляют 16% случаев рассмотрения героев) и получают преимущественно негативную оценку. (...) *Киевское начальство не давало крымским частям приказа обороняться. Россияне делали попытки нападения и раньше, например, захватывали маяки. Путин как кедебист пробует – а центральная власть мигает («Країна», 23.12.2014).* (...) *Проще говоря, «украинец – это русский, укушенный поляком»... Если украинская нация все же существовала в веках, выживая под имперским гнетом, проводившим волны русификации и советизации, то являются ли участниками украинской нации русскокультурные русскоязычные люди, живущие в юго-восточных регионах и ориентирующиеся больше на Москву, чем на Киев, пусть и имеющие синие паспорта?» («Власть», 16.02.2015).* Как следует из сказанного выше, тема российской этничности для украинских изданий актуальнее, чем тема украинской этничности в российских. Но эта актуальность в большинстве случаев обусловлена военными действиями на востоке Украины, потребностью «знать врага в лицо», формируется образ врага в лице России и россиян как захватчиков территорий Украины. Следующий пример с издания «Власть» показывает иную тенденцию, атрибуты этничности противоположного героя встречаются редко, но при их упоминании

происходит утверждение неполноценности украинской нации в сравнение с великой русской культурой.

Таким образом, можем подвести некоторые итоги. Анализ материалов показал, что украинским и российским печатным изданиям свойственны разные логики изображения противоположного героя: российские используют стратегию утверждения собственной исключительности, где украинский герой появляется как беглое воспоминание с целью раскрыть героя, исполняющего главную роль; украинские издания используют стратегию обоснования действий страны (замер 2001 г.) или ее проблем (2016 г.) через систему взаимоотношений с противоположным героем, который исполняет роль активного субъекта. Российские тексты скорее постулируют украинского героя «таким как нужно», в то время как российский герой «познается» в тексте через события.

В российских источниках 2015г. спектр событий, связанный с украинцами, заметно уже, чем в украинских, связанных с россиянами. Однако основные контексты, в которых фигурируют этнические маркеры, аналогичны: война в Донецкой и Луганской областях, аннексия Крыма – именно эти темы являются дискурсообразующими. То есть в отличие от 2001 г., когда противоположный герой чаще всего проявлялся через политическую, трудовую и спортивную активность, сейчас модальной стала военная активность, фиксирующаяся как успешная-неуспешная, так высокая-низкая изданиями обеих стран. Российский герой более многообразен украинского, сведение же украинского героя к нескольким темам навязывают российскому читателю всего несколько интерпретаций.

Украинским изданиям характерна высокая частота упоминаний атрибутов этничности, но она обусловлена военными

действиями, и в основном выражается как желание прирастить территории; российским изданиям свойственна низкая частота упоминаний атрибутов этничности, но она выражается через сравнение высокой российской и неполноценной украинской культур.

По сравнению с публичным дискурсом русских и украинских печатных средств массовой информации за 2001 год, в 2015 году, хоть и сократился позитив, преобладает нейтральная оценка противоположного героя, что опровергает исследовательскую гипотезу о тотальности негативной оценки. И это притом, что в украинских СМИ в большинстве случаев вспоминается российский герой, когда пишется о напряженных, деструктивных, экстраординарных, зрелищных событиях.

Современная социально-политическая ситуация породила и большую насыщенность противоположными героями украинских материалов. В русских изданиях украинцев же в условиях войны стараются реже упоминать, ведь такое замечание ныне влечет за собой необходимость заметить участие своих в войне в Украине.

Примечательным является отсутствие дополнительной оценочной нагрузки ментальных характеристик противоположного героя, это подтверждается фактом, что в каждом третьем случае выделялась одна, значительно реже больше ментальных характеристик. Они преимущественно позитивные в российских изданиях и с достаточным присутствием негативной оценки в украинских. Русские/россияне в украинских материалах фоново представлены как агрессивные, опасные, недоброжелательные, что, собственно, проистекает из общего дискурса российской агрессии в Украине.

Подобное исследование открывает возможности для изучения целого спектра процессов, связанных с формированием

постимперской национальной идентичности и общественного сознания при всем многообразии внутренних и внешних факторов влияния.

Данная методология и метод могут лечь в основу обоснования медийных факторов, формирования этнических, национальных и других идентичностей в современном глобальном мире. Результаты полученного пилотного исследования могут стать основой для разработки тех же тем другими методами социологических исследований. Так, в 2004 году авторы принимали участие в исследовании этногендерных стереотипов и идентичностей, разработанном по сходной методике для случая вербальной коммуникации (метод фокус-групп и глубинных интервью) (Малес, 2006). 👁

Гнит Юлия – в 2013 году получила степень бакалавра социологии в Черновицком национальном университете им. Юрия Федьковича; в 2015 году получила степень магистра социологии со специализации «Современная социологическая теория» в Киевском Национальном университете им. Тараса Шевченко. В настоящее время являюсь аспиранткой в Киевском Национальном университете им. Тараса Шевченко. В сферу научных интересов входит изучение социокультурной идентичности в период общественных изменений.

Людмила Малес – в 1999 году окончила магистратуру социологии в Киевском Национальном университете им. Тараса Шевченко; в 2003 году получила степень доктора философии социологии по специальности «Отраслевые социологии», а в 2013 – степень доктора habilitation социологии по специальности «Теория и история социологии». С 1999 года и по сей день преподаю в Киевском Национальном университете им. Тараса Шевченко на факультете социологии. В сферу научных интересов входят социокультурный

анализ, проблематика идентичности, гендерный анализ, социально-демографические процессы

Богдан Мотузенко – в 1999 году окончил магистратуру социологии в Киевском Национальном университете им. Тараса Шевченко; в 2004 году получил степень доктора философии социологии по специальности «Отраслевые социологии»; с 1999 года – опыт работы в области рекламы, разработки избирательных кампаний и политического консультирования. С 2002 года преподавал «Социологический анализ документов», в КНУ имени Тараса Шевченко, социологию массовых коммуникаций, качественные методики в социологии в других ВУЗах Украины. с 2004 года – информационное и аналитическое обеспечение корпоративного сектора. Сейчас – основатель исследовательской и консалтинговой компании «Проектное бюро». В круг научных интересов входит: социология коммуникаций, социальное проектирование, медиавистика, методология социального анализа проблематика влияний в социологии, социологические методы анализа документов, качественные методы в социологии.

Рымжа Виктор – социальный аналитик с 2002 года опыт работы в исследовательских структурах и НГО, организации мониторинговых подразделений. С 2005 года, координатор отдела мониторинга СМИ в Фонде Поддержки Прогрессивных Реформ; с 2007 года – начальник мониторинговой службы департамента Аналитического обеспечения консорциума «Индустриальная группа»; с 2003 – проведение и социологических исследований в области медиа, анализа текстов, качественных методов, экспертных исследований. Профессиональные интересы сосредоточены на: методиках экспертных опросов, исследованиях протестных настроений и гражданской активности, методиках и технологиях мониторингов общественных

процессов, и социального моделирования, социальном прогнозировании.

Фреик Наталия – в 2015 году получила степень магистра по специализации современные социологические теории в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко. В сферу научных интересов входят рефлексивные процессы в социологической теории, проблематика идентичности. На данный момент пишу диссертацию по проблематике рефлексивных процессов в социологии.

Афіліаце:

Гнит Юлия
Кафедра истории и теории социологии
Факультета социологии
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
Email: ylgnit@gmail.com

Людмила Малес
Кафедра истории и теории социологии
Факультета социологии
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
Email: lyudmylamales@gmail.com

Богдан Мотузенко
Исследовательская и консалтинговая компания «Project Bureau»
Email: bmotuzenko@gmail.com

Виктор Рымжа
Исследовательская и консалтинговая компания «Project Bureau»
Email: v.rymzha@gmail.com

Наталия Фреик
Кафедра истории и теории социологии
Факультета социологии
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
Email: freik.natalia@gmail.com

Библиография:

- Дондурей Д. (2016). *Российская смысловая матрица*, Downloaded from: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/01/643174-rossiiskaya-smislovaya-matritsa>
- Магда Є. (2015). *Гібридна війна: питання і відповіді*, Downloaded from: http://osvita.mediasapiens.ua/trends/1411978127/gibridna_viyna_pitannya_i_vidpovidi/
- Малес Л. (2006). *Гендер і етнічність. Україна перед Європейським вибором*. ПРООН. Downloaded from: http://www.moippo.mk.ua/attachments/article/317/gender_i_etnichnist.pdf
- Пясковская Т. (2016). *Как изменилось отношение населения Украины к России и населения России к Украине*. Пресс-релиз, Downloaded from: <http://kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=608&t=10&page=1>
- Романенко Ю., Климовский С. (2015). *Первая гибридная. Когда Россия начала войну против Украины?* Downloaded from: <http://hvylyya.net/analytics/politics/pervaya-gibridnaya-kogda-rossiya-nachala-voynu-protiv-ukrainyi.html>

Konstruowanie tożsamości narodowych przez media: wzajemne, ukraińsko-rosyjskie postrzeganie siebie teraz i 15 lat temu.

Streszczenie:

Staranne badanie wzajemnych, etnicznych percepcji Ukraińców i Rosjan, wydaje się dziś szczególnie aktualne w związku z rozgrywającym się konfliktem wojennym i ideologicznym między dwoma krajami, dotyczącym w szczególności zagadnień odnoszących się do etniczności, czy tożsamości narodowej. Niniejszy artykuł zawiera analizę różnych charakterystyk oraz elementów, składających się ze wzajemnych reprezentacji etnicznych Ukraińców i Rosjan, obecnych w prasie drukowanej. Analiza porównawcza tych pojawiających się w rosyjskiej i ukraińskiej publicystyce reprezentacji, oparta na dwóch pomiarach zrealizowanych w ciągu 15 lat, pokazuje, że w mediach rosyjskich widoczna jest ukryta strategia imperialna, w ukraińskich zaś obraz Rosjan-braci zastąpiony został obrazem Rosjan-wrogów. W 2001 roku rosyjskie media często pisały o tym, co dzieje się na Ukrainie. W 2015 zaś – jak pokazuje to zrealizowane przez autorów badanie – istotnie dominuje w nich obraz Ukraińców ukształtowany przez dyskurs imperialny. Co więcej retoryka obecna w rosyjskich mediach pozostaje wroga Ukrainie jako niepodległemu państwu, a sam kraj i jego mieszkańcy dalej traktowani są jako część imperium. Z kolei w mediach ukraińskich daje się zaobserwować wyraźny spadek zainteresowania dawną metropolią. Rosja przestała być w nich prezentowana jako centrum życia politycznego, ekonomicznego oraz kulturalnego.

Słowa kluczowe:

reprezentacje etniczne, obraz wroga, dyskurs imperialny, stosunki ukraińsko-rosyjskie, analiza zawartości.